

ЮРИЙ КОВАЛЬ, СУЕР-ВЫЕР И МЭТР РАБЛЕ

Есть писатели славы громкой. Как колокол. Или как медный таз. И есть писатели тихой славы. Слава громкая — часто слава короткая: грохнет в потолок пробкой в банкетном зале бывшего великокняжеского дворца, погуляет эхом по телеэкранам и уйдет, как уходит в форточку из курилки табачный дым. Тихая — слава долгая. Поэтесса Татьяна Бек сказала о писателе Ковале: «Слово Юрия Коваля будет всегда, пока есть кириллица, речь вообще и жизнь на Земле».

Я давно люблю книги Юрия Коваля, лет уже без малого сорок, с «Недопёска» и «Чистого Дора», попавших мне в руки примерно в середине 70-х. Изданные как детские, его книги написаны для всех читательских возрастов, всё в них лёгкое и волшебное — и предметы, и голоса зверей, и деревья, и цветы полевые, и слова, которыми говорят звери и люди, птицы и дождевая вода.

Обыденность в его книгах объединилась с волшебной сказкой.

Вот топор, забытый в лесу, он не просто отыщется под кустами, а блеснёт в тени, как глубинная рыба («Чистый Дор»). А сама глубинная рыба — ночная скользкая осенняя рыба налиим — глянет на вас маленьким, как божья коровка, глазом, а потом ворочается всю ночь, никак не может уснуть, шевелит узорными плавниками, похожими на полевые цветы («Ночные налиимы»). Наверное, это и называется зрением художника — увидеть глаза налиима, понять его ночную бессонницу.

«Чистый Дор», «Недопёсок», «Алый», «Листобой», «Картофельная собака», «Кепка с карасями», «Приключения Васи Куролесова», «Пять похищенных монахов», «Самая лёгкая лодка в мире», «Полынные сказки», «Шамайка», «Суер-Выер»... Вот неполный список сочинённого Юрием Ковалём. Это книги, и в каждой — живая жизнь, и к каждой хочется возвращаться. А ещё есть песни, фильмы по его книгам, есть художник Юрий Коваль. Есть много хороших слов, которые про него сказали многие хорошие люди.

«Я твёрдо знаю одно, — сказал про Юрия Ковалёва Ролан Быков, — таких писателей мало, они очень редки. Их самих надо записывать в Красную книгу, а то совсем переведутся и исчезнут».

«В ней есть сказка, — написал поэт Арсений Тарковский о повести „Самая легкая лодка в мире“, — а сказка, которая живёт в нас с детства, никогда не умирает».

А Белла Ахмадулина, предваряя первое книжное издание «Суера-Выера», заканчивает своё посвящение так: «Я обращаю ко всем читателям Юрия Ковалёва его же, для меня утешительные, слова: ВЕСЕЛЬЕ СЕРДЕЧНОЕ».

«Суер-Выер» — последняя книга Юрия Ковалёва, последняя и посмертная.

Это роман особый, роман-игра. Собственно, он и романом-то не является; роман — это что-то матёрое, что-то очень сюжетное, многомудрое, величественное, как Лев Толстой. Пергамент — так определяет жанр своего сочинения автор.

Что такое пергамент? Как известно из археологии, пергамент есть гладко выделанная кожа животных, употреблявшаяся в древности для письма. (А в старых словарях есть добавка: «Ныне же идёт преимущественно на барабаны».)

Итак — «в древности». То есть мы с вами как бы читатели будущего и держим в своих руках некую музейную редкость, чудом избежавшую труса, голода (раз из кожи), нашествия со- и иноплеменников и так далее. Что-то утра-

чено, что-то не поддаётся прочтению, где-то вкралась ошибка — может быть, переписчика, может быть, самого писца, отвлекшегося по причине принятия ежевечерней порции корвалола.

А к древности отношение бережное. Можно комментировать, делать примечания, давать сноски, но нельзя ничего менять — теряется аромат времени, пища для желудка ума, материал по психологии творчества. Если «вдруг» написано через «ю» («вдрюг»), «со лба» — «собла» и древний автор, раскачиваясь на стуле, осознаёт «гулбину» своего падения, то этого уже не исправишь.

Любая мелочь, на которую в обыкновенной книге (если такие вообще бывают!) порой не обращаешь внимания, здесь, в пергаменте, играет роль важную, как в оркестре, где умри какая-нибудь маленькая сопелка, флейточка или английский рожок — и музыка перекосятся и рухнет, превратившись в трамвайный шум.

Теперь о самой игре, о её незамысловатых правилах.

Правила очень простые.

Вот корабль, вот море и острова. Надо плыть по этому морю и открывать эти самые острова. Заносить открытые острова в кадастр и плыть дальше. А в свободное от открывания островов время заниматься обычными судовыми делами: пришивать пуговицы, развязывать морские узлы, косить траву вокруг бизань-мачты, варить моллюсков.

Да, чуть не забыли сказать про самое главное: кто в игре победитель и какая ему с этого выгода.

С победителем просто. Кто первый доберётся до Острова Истины, тот и выиграл. И в награду ему, естественно, достаётся Истина.

Правда, странное дело — выиграть-то он вроде бы выиграл, но идёт себе этот выигравший по Острову Истины, кругом её, естественно, до хрена, идёт он себе, значит, идёт, разглядывает лица девушек и деревьев, перья птиц и товарные вагоны, хозблоки и профиль Данте — а за ним (!) тихонечко движется океан. И сокращается островок, съедается, убивает его идущий своими собственными ша-

гами; обернётся, дойдя до края, — а сзади уже вода. И впереди и сзади.

Вот такие интересные игры встречаются иногда на пергаментах.

Говоря по правде, игра эта очень древняя. В неё играли ещё в те времена, когда мир держался на трёх китах, а Земля была плоская и загадочная, как рыба вобла.

О путешествиях и невиданных островах писали древние греки и Лукиан, Плиний и Марко Поло. Они описаны у древних китайцев в «Каталоге гор и морей» и в путешествиях Синдбада из «Тысячи и одной ночи», в кельтском эпосе и русских народных сказках.

Острова, на которых живут циклопы и тененоги, поглавцы и царь Салтан; а ещё — ипопеды, то есть люди с копытами вместо ног; а ещё — бородатые женщины и люди без рта, пьющие через специальную трубочку; а ещё — Робинзон Крузо, капитан Немо и Максим Горький. Все они описаны, зарисованы и выставлены на народное обозрение — в сушёном или заспиртованном виде.

Идёшь, смотришь, щупаешь, пьёшь, закусываешь, берёшь ещё.

И вроде бы как даже приелось.

Но вдруг из-за какой-нибудь сухой груши выходят два человека: матрос Юрий Коваль и мэтр Франсуа Рабле. Смеются и тебе говорят: ну что, говорят, пльвём?

Ты даже не спрашиваешь куда, потому что и так понятно: в руке у мэтра Рабле початая Божественная Бутылка, а матрос Юрий Коваль уже щёлкает по ней ногтем, и Бутылка отвечает звонким человеческим голосом: «ТРИНК».

Александр Етоев

Суер-Выер

Пергамент

*Посвящается
Белле Ахмадулиной*

Часть первая

Фок

Бушприт

Тёмный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ватерлинии.

— Грот-фок на гитовы! — раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистые подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в своё одеяло.

ШТОРМ

Служил у нас на «Лавре Георгиевиче» вперёдсмотрящий.

Ящиков.

А мы решили завести ещё и назадсмотрящего. Ну мало ли что бывает. Короче — надо. Завели, а фамилию ему давать не стали. Ну на кой, простите, пёс, назадсмотрящему-то фамилия?

А он говорит:

— Ну дайте же хоть какую-нибудь. Ну хоть бы Бунин.

Никакого, конечно, Бунина мы ему не дали.

А он назад оглянулся и как рявкнет:

— Идёт шторм!

— Шторм? — удивился наш капитан сэр Суер-Вьер. — Так ведь он умер.

— Кто умер?

— Шторм умер. Апполинарий Брамсович.

— А это другой шторм идёт, — пояснил вперёдтеперьжесмотрящий Ящиков.

— И другой умер, — сказал Суер. — Через два года.

¹ Падение культуры пристального чтения в конце XX века принудило автора не только к сдваиванию и к страиванию, но даже, как видим, и к сошестерению некоторых глав.

— Знаете что, капитан, — который Бунина просил, говорит, — свищите скорей всех наверх.

— Рак, — пояснил капитан то ли про первого, то ли про второго Шторма.

— А ну вас всех, прости меня господи, — сказал назадсмотрящий, — понаесли на «Лавра Георгиевича» и плывут незнамо куда, гады!

— У обоих, — продолжил Суер свою предыдущую мысль.

Перед бурей утихли волны. В тишине слышался скрип нашей ватерлинии и какие-то клетчатые звуки. Это мадам Френкель ещё плотнее закуталась в своё одеяло.

ГЛАВА VII

ОСТРОВ ВАЛЕРЬЯН БОРИСЫЧЕЙ

— Со всеми этими штормами и сошестерениями, — сказал как-то наш капитан Суер-Вьер, — нам Острова Истины не открыть. Да вон, кстати, какой-то островок виднеется. Не Истины ли? Эй, Пахомыч! Суши вёсла и обрасопь там, что надо обрасопить!

— Надоело обрасопливать, сэр, — проворчал старпом. — Обрасопливаешь, обрасопливаешь... а толку?

— Давай, давай, обрасопливай без долгих разговоров.

Вскорости Пахомыч обрасопил всё, что надо, мы кинули якорь, сели в шлюпку и поплыли к острову, виднеющемуся невдалеке. Он был невелик, целиком умещался в подзорную трубу. На нём не было видно ни души. Песок, песок да ещё какие-то кочки, торчащие из песка.

Шлюпка уткнулась носом в берег, и тут же кочечки зашевелились и каким-то образом нахлобучили

на себя велюровые шляпы. Тут и стало ясно, что это не кочки, а человеческие головы в шляпах, которые торчат из пещерок.

Крупная, но фетровая шляпа заколебалась, и из пещерки вылез цельный человек. Сняв шляпу, он приветливо помахал ею и сказал:

— Добро пожаловать, дорогие Валерьян Борисычи!

Мы невольно переглянулись, только Суер поклонился и сказал:

— Здравствуйте, братья по разуму!

Шляпы в норках загудели:

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие Валерьян Борисычи!

А первый, в крупной фетровой, обнял Суера и расцеловал.

— Ну, как вы добрались до нас? — спрашивал он. — Легко ли? Тяжело? Все ли Валерьян Борисычи здоровы?

— Слава богу, здоровы, — кланялся Суер.

Меня всегда поражала догадливость капитана и его житейская мудрость. Но какого чёрта? Какие мы Валерьян Борисычи? Никакие мы не Валерьян Борисычи! Но спорить с туземцами не хотелось, и я подумал: если капитан прикажет, мы все до единого дружно станем Валерьян Борисычами.

Между тем шляпа номер один продолжала махать когтистой лапой и весело лопотала:

— Мы так радуемся, когда на остров прибывает очередная партия Валерьян Борисычей, что просто не знаем, как выразить своё счастье!

— И мы тоже счастье выражаем, — сказал Суер и, обернувшись к нам, предложил: — Давайте, ребята, выразим своё счастье громкими кличами.

Мы не стали спорить с капитаном и издали несколько кличей, впрочем вполне приличных. Кроме Пахомыча, который орал:

— Борисычи! А где же магарыч?

— Я надеюсь, — сказала шляпа номер один, — среди вас все истинные Валерьян Борисычи? Нет ни одного, скажем, Андриан или Мартемьян Борисыча? Не так ли?

— Ручаюсь, — сказал капитан, придирчиво осматривая нас. — Верно, хлопцы?

— Да, да, это так, — поддержали мы капитана. — Мы все неподдельные Валерьян Борисычи.

— Но мы маленькие Валерьян Борисычи, — влез в разговор лоцман Кацман, — небольшие Валерьян Борисычи, скромные.

Капитан недовольно поморщился. Лоцману следовало бы помолчать. Он сроду не бывал никаким Валерьян Борисычем, а, как раз напротив, по паспорту читался Борис Валерьяныч.

— Мы-то маленькие, — продолжал болтливый лоцман. — А вот он, — и лоцман указал на Суера, — он величайший из Валерьян Борисычей мира.

Суер поклонился, и мы ударили в ладонь.

Самое, конечно, глупое, самое тупое заключалось в том, что я и вправду почувствовал себя Валерьян Борисычем и раскланивался на все стороны, как истинный Валерьян Борисыч.

— Дорогой Валерьян Борисыч, — сказал Суер, обращаясь к главной шляпе. — Позвольте и мне задать вопрос. Скажите, а вот эти люди, которые сидят в норках, все ли они истинные Валерьян Борисычи?

— Валерьян Борисыч, дорогой, — отвечала шляпа, — мы понимаем вашу бдительность и ответим

на неё дружно, по-Валерьян-Борисычески. Эй, вэ-бы, отвечайте!

Тут все Валерьян Борисычи зашевелились в норках и хотели было вылезать, но Главношляпый крикнул:

— Сидеть на месте! Кто выскочит — пуля в лоб! Начинайте.

И один носатый из ближайшей норы неожиданно и гнусаво запел:

*О, Океан!
О, тысячи
На небе дивных звёзд!
Все Валерьян Борисычи
Имеют длинный хвост.*

А хор из норок подхватил:

*Имеют хвост, но он не прост,
Меж небом и землёй он мост.*

Гнусавое запевало выползло тем временем на второй куплет:

*В душе изъян был высечен
На долгую науку.
Вам Валерьян Борисычи
Протягивают руку.*

И хор подхватил:

*Берите нашу руку,
А то дадим по уху!*

И они высунули из норок когтистые лапки. Все невольно отшатнулись, и даже Суер заметно побледнел. Он быстро оглядел нас и впёр свои брови в меня.

— Валерьян Борисыч, — сказал он, похлопывая меня по плечу, — возьми руку друга из норы.

— Кэп, меня тошнит.

Валерьян Борисычи в норках зашептались, заметив наши пререканья.

— Иди, скотина Валерьян Борисыч, — толкнул меня в спину Пахомыч. — Иди, а то меня пошлют.

ГЛАВА VIII

СУТЬ ПЕСКА

В этот момент меня покинуло чувство, что я немного Валерьян Борисыч, но — подчинился капитану. Я уважал Суера, вам, впрочем, этого не понять.

Любезно гримасничая, как это сделал бы на моём месте истинный Валерьян Борисыч, я тронулся с места и пошёл некоторым челночным зигзагом.

— Он очень стеснительный, — пояснял Кацман, — но истинный, хотя и мелковатый Валерьян Борисыч¹.

Подойдя к ближайшей кочке-шляпе, я схватил за руку какого-то Валерьян Борисыча и принялся тресть.

— Здорово, старый хрен Валера! — заорал я. — Ну как ты тут? Всё в норке сидишь? А мы тут плавали-плавали и на вас нарвались! Да ты сам-то хоть откуда? Я-то из Измайлова!

Схваченный мною Валерьян Борисыч тихо поскуливал.

— Ты с какого года? — орал я.

— С тридцать седьмого, — отвечал задёрганный мною Валерьян Борисыч.

¹ Кстати, открытие острова Валерьян Борисычей мы посвятили славному русскому энтомологу и источникуведу Овчинникову Ивану.

— А я с тридцать восьмого! Ты всего на год и старше, а вон уже какой бугай вымахал!

Валерьян Борисыч призадумался и наморщил лобик.

— Ты знаешь чего, — сказал он, — копай норку рядом со мной, мы ведь почти ровесники. К тому же я из Сокольников.

— Да! Да! Да! — закричал Главный Шляпоголовый. — Копайте все себе норки! Здесь очень хороший песочек, легко копается. И мы все будем дружно сидеть в норках.

И тут я подумал, что это неплохая идея, и мне давным-давно пора выкопать себе норку в тёплом песке, и хватит вообще шляться по белу свету.

«Заведу себе велюровую шляпу, — думал я. — Стану истинным Валерьян Борисычем, а там разберётся». И я опустился на колени и стал двумя руками загребать песочек, выкапывая норку. Песок струился с моих ладоней, и суть его, копая, я пытался постичь.

«В чём же суть этого песка? — напряжённо думал я. — Эту вечную загадку я и стану разгадывать, сидя в норке».

Струился, струился песок с моих ладоней, тянул к себе и засасывал.

Вдруг кто-то сильно дёрнул меня за шиворот и выволок из норы.

— Ты что делаешь? — сказал Суер, щипая меня повыше локтя. — Опомнись!

— Норку копаю. А вы разве не будете, кэп?

— Будем, но позднее.

— Позвольте, позвольте, — встрял Главный Шляпоподержатель, — откладывать копание не полагается. Копайте сразу.

Тут я заметил, что Валерьян Борисычи в норках надулись и смотрели на нас очень обиженно.

— Копайте норки, а то поздно будет, — приговаривали некоторые.

— Нам нужно вначале осмотреть достопримечательности, — отвечал Суер-Вьер. — А уж потом будем копать.

— Какие ещё достопримечательности? Здесь только песок да Валерьян Борисычи.

— А где же музей восточных культур? — спросил Суер.

— Мы его разграбили, — мрачно ответил Главный Валерьян Борисыч. — А вы, я вижу, не хотите норок копать. Бей их, ребята! Это поддельные Валерьян Борисычи! Их подослали Григорий Петровичи!

— Вот ведь хреновина, — устало сказал Суер. — Только приплываем на какой-нибудь остров — нас сразу начинают бить.

Головной Валерьян Борисыч снял вдруг шляпу и метнул её в капитана. Шляпа летела, вертясь и свища.

Капитан присел, и шляпа попала в лоцмана. Кацман рухнул, а шляпа, как бумеранг, вернулась к владельцу.

Все прочие Валерьян Борисычи засвистели по-узбекски и стали принакручивать шляпами. Через миг несметное количество шляп загудело над нашими головами.

Волоча за собой, как чайку, подбитого лоцмана, мы отступили к шлюпке. Над нами завывали смертоносные шляпы.

Пахомыч изловчился, поймал одну за тулью, зажал её между коленей, но шляпа вырвалась, схва-

тила корзину с финиками, которая стояла на корме, и понеслась обратно на остров.

Эти финики спасли нам жизнь. Валерьян Борисычи, как только увидели финики, выскочили из норк. Они катались по песку, стараясь ухватить побольше фиников.

— А мне Валерьян Борисычи даже чем-то понравились, — смеялся Суер-Выер, выводя нашу шлюпку на правильный траверз. — Наивные, как дети: хотели нас шляпами закидать.

Тут в воздухе появилась новая огромная шляпа. Она летела книзу дном, тяжело и медленно.

Долетев до нас, шляпа перевернулась, вылила на капитана ведро помоев и скрылась в тумане.

ГЛАВЫ IX-X

РАЗВЛЕЧЕНИЕ БОЦМАНА

На следующий за Валерьян Борисычами остров для забавы мы взяли с собой боцмана Чугайло. Он уже несколько месяцев не сходил с борта и совершенно озверевал.

— Хочу развлечений! — ревел он иногда в своей каюте.

Правда, ещё издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Прямо по середине его стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

— Это ничего, — говорил Суер, — походит вокруг дерева — глядишь, и развлечётся.

Ну, мы сошли на берег и открыли остров. А потом сели на камушек, а боцмана пустили ходить вокруг сухого дерева. И он начал ходить, а мы смотрели, как он ходит, и перемигивались.

— Неплохо ходит, холера!
— Медленно как-то. Вяло.
— Господин Чугайло! — кричал Пахомыч. — Да вы побыстрее ходите, а то не развлечётесь.

— Сам знаю, как хожу! — ревел боцман. — Развлекаюсь как умею.

— Чепуха, — сказал лоцман Кацман, — так он не развлечётся никогда в жизни. Давайте потихоньку сядем в шлюпку и уплывём, вот тут он и развлечётся.

И мы сели в шлюпку и отплыли на три кабельтова. Боцман Чугайло вначале не заметил нашего манёвра и ходил, тупо глядя в землю, а когда заметил — забегал вокруг дерева, то и дело падая на колени.

— Вы куда? — орал он. — Вы куда?

Ничего не мог он придумать, кроме этой моржовой фразы. Ясно куда: на «Лавра».

— Не покидайте меня, братцы, — орал Чугайло в пространство, а мы посмеивались и делали вид, что навеки уплываем.

— А что? — сказал Суер. — Может, и вправду оставить его на острове? Надоед ужасно. Ходит всюду, плюётся и сморкается. Всего «Лавра Георгиевича» заплевал.

— Давайте оставим, — сказал Пахомыч.

Думали мы, думали и решили оставить боцмана на острове. Хрен с ним, пускай развлекается.

ГЛАВЫ XI—XII

САМСОН-СЕНОГНОЙ

Лоцман Кацман разрыдался однажды у мачты, на которой к празднику мы развесили кренделя.

— Жалко Чугайлу, — всхлипывал он. — Давайте вернёмся, капитан. Заберём его на «Лавра».

А, наверно, уж с полгода прошло, как мы оставили боцмана на острове.

— Ладно, — сказал наш простосердечный капитан, — вот откушаем праздничного суфле и назад поплывём.

Ну, откушали мы суфле, поплыли назад.

Смотрим — Чугайло жив-здоров, бегаёт по острову вокруг сухого дерева.

— Неужто ещё не развлёкся? — удивился Суер.

А боцман, как увидел нашу шлюпку, стал камнями кидаться. Во многих он тогда попал.

Высадились мы на остров, связали боцмана, сели под дерево и рассуждаем: что же дальше делать? Забросает же камнями, ватрушка!

Сидим эдак, вдруг слышим, Кацман кричит:

— Почки!

Лоцман кричит:

— Почки!

И пузырьки какие-то лопаются!

Батюшки-барашки! На ветвях-то сухого дерева появились настоящие растительные почки! И лопаются, а из них листочки выскакивают. Растительные!

— Боцман! — Суер кричит. — Откуда почки?

— Не знаю, — мычит боцман, мы-то ему в рот кляп засунули, чтоб не плевался. — Не знаю, — мычит.

Вынули мы кляп, а боцман всё равно ничего не знает. Засунули обратно, и капитан спрашивает:

— Живёте на острове, а про почки не знаете. Как же так?

— Они раньше не лопались, — через кляп мычит.

— Развиваются! — закричал Кацман, и мы увидели, что листочки позеленели, а из-под них цветы расцвели.

Бросили мы боцмана, кинулись цветы нюхать. Только нанюхались — цветы все опали.

— Что же теперь делать? — спрашиваем капитана. — Опали наши цветочки!

— Ждать появления плодов, — размыслил Суер. И плоды не заставили себя ждать. Вначале-то появились такие маленькие, зелёнькие, похожие на собачью мордочку, а потом стали наливать-ся, наливать-ся. Лоцман цоп с ветки плодочек — и жрёт!

Капитан хлопнул его по рукам:

— Незрелое!

— Я люблю незрелое! Люблю! — плакал лоцман и жадно, как лягушонок, хватал плодочки.

Связали мы лоцмана и стали ждать, когда плоды созреют. И вот они созрели прямо на глазах.

— Неужели груши? — восхищался Пахомыч.

— Ранет бергамотный?! — мычал через кляп боцман.

Накидали мы целую шлюпку груш, развязали боцмана с лоцманом и отбыли на «Лавра».

Потом-то, уже на борту, мы долго размышляли, с чего это сухая груша столько вдруг всего наплодоносила.

— Она расцвела от наших благородных поступков, — сказал Кацман.

— Каких же это таких?

— Ну вот мы бросили боцмана на острове. Какой это был поступок: благородный или не благородный?

— Благородный, — сказал Пахомыч. — Он нам всего «Лавра Георгиевича» заплевал.

Сэр Суер-Выер засмеялся и выдал старшему особо спелую и гордую грушу.

— Ну нет, — сказал он, — благородный поступок был, когда мы за ним приехали. И груше это явно понравилось.

— Ерунда, кэп, — сказал боцман, вынимая изо рта очередной кляп свой. — Пока я бегал по острову, я ей все корни обтоптал.

Разгорячённый грушами, лоцман запел и заплясал, и боцман, раскидывая кляпы, затопал каблучком. Мы обнялись и долго танцевали у двери мадам Френкель:

*Мадам! Спасите наши души
От поедания плодов!
А то мы будем кушать груши
До наступленья холодов!*

Эх, и хороший же тогда у нас получился праздник! Ну прямо Самсон-Сеногной!

ГЛАВА XIII

СЛАВНАЯ КОНЧИНА

Я совсем забыл сказать, что с нами тогда на борту был адмиралиссимус. Звали его Онисим.

И многим не нравилось поведение адмиралиссимуса. Герой Босфора, мученик Дарданелл, он совсем уже выжил из ума, бесконечно онанировал и выкрикивал порой бессвязные команды вроде:

— Тришка! Подай сюда графин какао, сукин кот!

В другой раз он беспокойно хлопал себя по лысинке, спрашивая:

— Где мой какаду? Где мой какаду?

Чаще же всего он сидел на полубаке и шептал в пространство:

— Как дам по уху — тогда узнаешь!

Матросы не обижали старика, а Суер по-отечески его жалел.

Один раз Суер велел боцману переодеться Тришкой и подать Онисиму графин какао. Какао, как и Тришка, было поддельным — жёлуди да жжёный овёс, кокосовый жмых, дуст, немного мышьяка, — но адмирал выпил весь графин.

— Где моё какаду? — распаренно расспрашивал он.

Суер-Вьер велел нам тогда поймать на каком-нибудь острове какаду. Ну, мы поймали, понесли мученику и герою.

— Вот ваше какаду, экселенс! — орали мы, подсовывая попугая старому морепроходцу.

Адмиралиссимум восхитился, хлопал какаду по плечам и кричал:

— Как дам по уху — тогда узнаешь!

Стали мы подкладывать лоцмана Кацмана, чтоб адмиралиссимум ему по уху дал. Но лоцман отнекивался, некогда ему, он фарватер смотрит. А какой там был фарватер — смех один: буи да створы.

Навалились мы на лоцмана, повели до адмиралиссимуса.

Старик Онисим размахнулся да так маханул, что сам за борт и вылетел.

— Вот кончина, достойная адмиралиссимуса, — сказал наш капитан Суер-Вьер. Потом уже, на специально открытом острове, мы поставили памятный камень с подобающей к случаю эпитафией:

*Адмиралиссимум Онисим,
Был справедлив, но — онанисим.*

ХРЕНОВ И СЕМЁНОВ

Издали мы заметили клубы и клоки великого дыма, которые подымались над океаном.

— Это горит танкер «Кентукки», сэр, — докладывал капитану механик Семёнов. — Надо держаться в стороне.

Но никакого танкера, к сожалению, не горело. Дым валил с острова, застроенного бревенчатыми избушками, крытыми рубероидом. Из дверей избушек и валил дым.

— Что за неведомые сооружения? — раздумывал Суер, оглядывая остров в грубый лакированный монокуляр.

— Думается, рыбы коптильни, сэр, — предположил мичман Хренов.

— Дунем в грот, — сказал капитан. — Приблизимся на расстояние пушечного выстрела.

Пока мы дули, дым почему-то иссяк. Что-то, очевидно, догорело.

— Высаживаться на остров будем небольшими группами, — решил капитан. — Запустим для начала мичмана и механика. Хренов! Семёнов! В ялик!

Пока Хренов и Семёнов искали резиновые сапоги, из неведомых сооружений выскочили два десятка голых мужчин. Они кинулись в океан с криком:

— Легчает! Легчает!

Наши Семёнов с Хреновым отчего-то перепугались, стали отнекиваться от схода на берег и всё время искали сапоги. Кое-как, прямо в носках, мы бросили их в ялик, и течение подтащило судёнышко к голозадым туземцам. Те, на ялик внимания не обращая, снова вбежали вовнутрь неведомых сооружений.

Спрятав лодку в прибрежных кустах, мичман и механик стали подкрадываться к ближайшему неведомому бревенчатому сооружению. В подзорную трубу мы видели, как трусливы и нерешительны они.

Наконец, прячась друг за друга, они вползли в сооружение.

Как ни странно — ничего особенного не произошло. Только из другого неведомого сооружения вышел голый человек, поглядел на наш корабль, плюнул и вошёл обратно.

ГЛАВА XV

ПОРА НА ВОБЛУ!

Этот плевок огорчил капитана.

— Бескультурие, — говорил он, — вот главный бич открываемых нами островов. Дерутся, плюются, голыми бегают. У нас на «Лавре» это всё-таки редкость. Когда же наконец мы откроем остров подлинного благородства и высокой культуры?

Между тем дверь ближайшей избушки распахнулась, и на свет явились голый мичман Хренов и обнажённый Семёнов. Они кинулись в океан с криком:

— Легчает! Легчает!

Группами и поодиночке из других сооружений выскочили и другие голые люди. Они скакали в волнах, кричали, и скоро невозможно было разобрать, где среди них Хренов, а где Семёнов.

— Не вижу наших эмиссаров, — волновался капитан. — Старпом, спускайте шлюпку.

Спустили шлюпку, в которую и погрузились старые, опытные открыватели новых островов: ну, лоцман, Пахомыч и мы с капитаном.

Голые джентльмены, гогоча, ухватились за наши вёсла.

— Раздевайтесь скорее! — кричали они.

Слабовольный Кацман скинул бушлат.

— Хренов-Семёнов! Хренов-Семёнов! — беспокойно зывал капитан.

К нашему изумлению, среди голых джентльменов оказалось несколько Семёновых и два, что ль, или три Хренова. Они подплывали на вечный зов капитана и глядели в шлюпку красными тюленьими глазами.

Какой-то липовый Хренов выставил из-под волны нос и закричал:

— Неужто это Суер? А я думал, тебя давно сожрали туземцы!

— Уйди в океан! — ревел старпом и отпихивал веслом неправильного Хренова.

— Так я же Хренов! — взвизгивал ложный Хренов. — Вначале зовут, а потом отпихивают.

— Тоже мне Хренов дерьмовый! — сердился старпом. — У нас уж Хренов так Хренов.

К сожалению, наш Хренов, который наконец появился, такого уж слишком мощного явления не представлял. Довольно скромный и худосочный Хренов, которого только в форме можно было принять за мичмана.

За Хреновым явился и Семёнов.

— Высаживайтесь, кэп, — красноносо хрюкал он, — не пожалеете. Здорово легчает!

— А нам пора на воблу, — объяснял Хренов.

— Пора на воблу! Пора на воблу! — подхватил и Семёнов, и, взмахивая лихими саженками, они дунули к берегу брассом.

Задумчиво мы глядели им вслед, и за нашею спиною грудью вздыхал океан.

ОСТРОВ НЕПОДДЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ

Могучий клич «Пора на воблу!» поддержали и другие голые люди этого острова.

— И на пиво! — добавляли некоторые другие раздетые.

Хренов и Семёнов, сверкающие задницами на берегу, чрезвычайно обрадовались, услышавши такое добавление.

— Пора на воблу и на пиво! — восторгались они.

— Кажется, они продали нас, — сказал Пахомыч. — За воблу.

— И за пиво, — добавил Кацман.

Мы подплыли ближе и увидели, что все голые люди, а с ними и наши орлы подоставали откуда-то кружки с пивом.

Какой-то Хренов, кажется не наш, выскочил на берег, обвешанный гирляндами воблы. Эти гирлянды болтались на нём, как ожерелья на туземных таитянках. Он раздавал всем по вобле на брата, а остальные приплясывали вокруг него и кричали:

— Вобла оттягивает!

Наши Хренов с Семёновым, отплясав своё, костями воблы уже кидались в океан и носом сдували пену из пивных кружек.

— Оттягивает! Оттягивает! — ворковали они.

— Неужели это так? — говорил Суер. — Неужели стоит только раздеться — и тебе выдают пиво и воблу? Ни в одной стране мира я не встречал такого обычая. Иногда я задумываюсь: а не пора ли и мне на воблу?

— И на пиво, сэр, — пискнул Кацман.

Мы оглянулись и увидели, что лоцман сидит в шлюпке абсолютно голый. Он дрогнул под взглядом капитана, и синяя русалка, выколотая на его груди, нырнула под мышку.

— Ладно, раздевайтесь, хлопцы, — сказал капитан. — Мы ещё не едали воблы на отдалённых берегах.

И он снял свой капитанский френч.

Мы с Пахомычем не стали жеманиться, скинули жилеты и обнажили свои татуировки.

Шлюпка пристала к берегу. Тут же к нам подскочили Хренов и Семёнов и выдали каждому по кружке пива и по хорошей вобле. Славно проявленная, она пахла солью и свободой.

— Пиво в тень! — приказал капитан. — Вначале войдём в неведомое сооружение. Все по порядку.

Мы прикрыли свои кружки воблой и поставили в тенёк, а рачительный Пахомыч накрыл всё это дело лопушком.

На ближайшем неведомом сооружении висела вывеска:

ВОРОНЦОВСКИЕ БАНИ

— Что за оказия? — удивился Суер. — Воронцовские бани в Москве, как раз у Ново-Спасского монастыря.

— И здесь тоже, сэр! — вскричал Хренов.

— Здесь и Семёновские есть! — добавил Семёнов. — А в Москве Семёновские ликвидировали!

Тут из Воронцовских бань выскочил сизорожий господин и крикнул:

— Скорее! Скорее! Я только что кинул!

И мы ворвались в предбанник, а оттуда прямо в парилку.

Чудовищный жар охватил наши татуировки.

С лоцмана ринул такой поток пота, что я невольно вспомнил о течении Ксиво-пиво. Удивительно было, что наш слабовольный лоцман сумел произвести такое мощное явление природы.

— Что же это? — шептал он. — Неужто это остров неподдельного счастья?

Да, это было так. Счастье полное, чистое, никакой подделки. Жители острова парились и мылись с утра и до вечера. Мыло и веники берёзовые им выдавались бесплатно, а за пиво и воблу они должны были только радостно скакать.

Весь день мы парились и мылись, скакали за пиво и прятали его под лопушки, и доставали, доставали, поверьте, из лопушков, и обгладывали воблю голову, и прыгали в океан. Пахомыч до того напарился, что смысл почти все свои татуировки, кроме, конечно, надписи «Помни заветы матери». А надпись «Нет в жизни счастья» он смысл бесповоротно. Счастье было! Вот оно было! Прямо перед нами!

В тот день мы побывали в Тетеринских, Можайских, Богородских, Донских, Дангауэровских, Хлебниковских, Оружейных, Кадашевских банях и, конечно, в Сандунах. Оказалось, что на острове имеются все московские бани¹.

— Откуда такое богатство? — удивлялся Суер.

— Эмигранты повывезли, — ответствовали островитяне.

К вечеру на берегу запылали костры, и, раскачиваясь в лад, островитяне запели песню, необходимую для их организма:

¹ Этот остров посвящается моему великому другу Владимиру Лемпорту.

*В нашей жизни и тёмной и странной
Всё ж имеется светлая грань.
Это с веником в день постоянный
Посещение общественных бань.*

*Что вода для простого народа?
Это просто простая вода.
Братства банного дух и свобода
Нас всегда привлекали сюда.*

*В Тетеринские,
Воронцовские,
Донские,
Ямские,
Машковские,
Измайловские,
Селезнёвские,
Центральные
И Сандуны.*

*А Семёновские ликвидировали,
А Мироновские модернизировали,
Краснопресненские передислоцировали,
Доброслободские закрыли на ремонт.*

*Было много тяжёлого, было,
Но и было всегда у меня:
Дуб, берёза, мочало и мыло,
Пиво, вобла, массаж, простыня.*

*Тело — голое! Сердце — открытое!
Грудь — горячая! Хочется жить!
В наших банях Россия немытая
Омовенье спешит совершить!*

Они пели и плакали, вспоминая далёкую Россию.

— Мы-то отмылись, — всхлипывали некоторые, —
а Россия...

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Коваль, Суер-Вьер и мэтр Рабле. *Александр Етоев* . . . 5

СУЕР-ВЬЕР

Пергамент

Часть первая. Фок

Бушприт	13
Главы I–VI. Шторм	14
Глава VII. Остров Валерьян Борисычей	15
Глава VIII. Суть песка	19
Главы IX–X. Развлечение боцмана	22
Главы XI–XII. Самсон-сеногной	23
Глава XIII. Славная кончина	26
Глава XIV. Хренов и Семёнов	28
Глава XV. Пора на воблу!	29
Глава XVI. Остров неподдельного счастья	31
Глава XVII. Мудрость капитана	35
Глава XVIII. Старые матросы	37
Глава XIX. Остров печального пилигрима	38
Глава XX. Сущность «Лавра»	40
Глава XXI. Остров тёплых щенков	42
Глава XXII. Встречный корабль	47
Глава XXIII. Дырки в фанере	49
Глава XXIV. Остров Уникорн	55
Глава XXV. Дротики и кортики	58
Главы XXVI–XXVII. Рог Уникарна	61
Глава XXVIII. Остров большого вна	67
Глава XXIX. Кроки и кошаса	72
Глава XXX. Остров пониженной гениальности	74

Часть вторая. Грот

Глава XXXI. Блуждающая подошва	83
Глава XXXII. Остров голых женщин	85

Глава XXXIII. Блеск пощёчин	87
Глава XXXIV. Задача, решённая сэром	91
Глава XXXV. Бездна наслаждений	94
Глава XXXVI. Гортензия	97
Глава XXXVII. Ихнее лицо	102
Глава XXXVIII. Возвращение на остров голых женщин. ...	107
Глава XXXIX. Остров посланных на	110
Глава XL. Остров Лёши Мезинова	114
Глава XLI. Вампир	118
Глава XLII. Остров Сциапод	123
Глава XLIII. Бодрость и пустота	127
Глава XLIV. Ступеньки и персики	133
Глава XLV. Стол из четвёртого измерения	137
Глава XLVI. Трепет	142
Глава XLVII. Пожар любви	146
Глава XLVIII. В рассол!	150
Глава XLIX. Ненависть	153
Глава L. Вёдра и альбомы (Остров Гербарий)	154
Глава LI. Порыв гнева	156
Глава LII. Остров, на котором совершенно ничего не было ...	159
Глава LIII. Ё мое	163
Глава LIV. Род	166
Главы LV—LVI. Крюк	172
Глава LVII. Название и форма	175
Глава LVIII. Драма жизни	178
Глава LIX. Судьба художника	181
Глава LX. Иоани Грозный убивает своего сына	184
Глава LXI. Остров, обозначенный на карте	186
Глава LXII. Капитанское пари	190
Глава LXIII. Надписи на верёвке	196
Глава LXIV. Остров Кратий	203
Глава LXV. Кусок поросятины	209
Глава LXVI. Прелесть прозы	213
Глава LXVII. Лунная соната	218
Глава LXVIII. Остров нищих	222
Глава LXIX. Я сам	226
Глава LXX. Камень, ложка и чеснок	232
Глава LXXI. Перо ветра	235
Глава LXXII. Стакан тумана	238
Глава LXXIII. Сидящий на мраморе	240

Глава LXXXIV. Усы и невозможное	243
Глава LXXXV. Как было подано невозможное	246
Глава LXXXVI. Явление природы	248

Часть третья. Бизань

Глава LXXXVII. Мадам Френкель	253
Глава LXXXVIII. Остров особых веселий	255
Глава LXXXIX. Осушение рюмки	257
Глава LXXX. Рюмочка под беседу	260
Глава LXXXI. Бескудников	263
Глава LXXXII. Лик «Лавра»	267
Глава LXXXIII. Некоторые прерогативы боцмана Чугайло ...	269
Глава LXXXIV. Остров боцмана Чугайло	273
Глава LXXXV. Затейливая надпись	276
Глава LXXXVI. Лещ	279
Глава LXXXVII. Сергей и Никанор	281
Глава LXXXVIII. Остров Едореп	285
Глава LXXXIX. Тёплый вечерок в нашей уютной кают-компании	289
Глава XC. Князь и Лизушка	291
Глава XCI. Мизинчик	295
Глава XCII. Золотая любовь	297
Глава XCIII. Кадастр	301
Глава XCIV. Остров Истины	307
Глава XCV. Девяносто пятая	308

Приложение

Глава XLIX. Ненависть	311
Глава L. Вёдра и альбомы (Остров Гербарий)	313

Литературно-художественное издание

ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ КОВАЛЬ

СУЕР-ВЫЕР

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Подписано в печать 26.10.2017. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-VAK-12634-03-R